

«Какой писатель нынче в моде?»
— Все d'Agincourt и Ламартин. —
«У нас им также подражают».
— Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают?
Дай бог, чтоб просветились мы!!¹¹

В полной мере ирония Достоевского может быть понятна только в контексте этой цитаты.

В письме к А. Ф. Благодравову от 19 декабря 1880 года, говоря о критиках «Братьев Карамазовых», Достоевский пишет: «За ту главу „Карамазовых“ (о галлюцинации) (...) меня пробовали уже было обозвать ретроградом и изувером, дописавшимся „до чертиков“. Они наивно воображают, что все так и воскликнут: „Как? Достоевский про черта стал писать? Ах, какой он пошляк, ах, как он неразвит!“ Но, кажется, им не удалось!» (30, 236). Здесь, давая отповедь критикам, Достоевский повторяет строку из баллады А. К. Толстого «Поток-богатырь» (1871):

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах, какой он пошляк! ах, как он неразвит!
Современности вовсе не видно!»¹²

В первой же процитированной фразе Достоевский, очевидно, вспоминает эпиграмму Д. Д. Минаева на себя и В. П. Мещерского (1873):

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чертиков другой договорился.¹³

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7.

¹² Толстой А. К. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1963. Т. 1. С. 313. Курсив автора.

¹³ Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века). Л., 1988. С. 427 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Э. ХЕКСЕЛЬШНЕЙДЕР

ДРЕЗДЕНСКИЕ ГОДЫ ДОСТОЕВСКИХ

О пребывании Достоевских в Дрездене, как ни удивительно, нет специальных исследований.¹ Это тем более странно, что из четырех лет, проведенных Достоевскими за границей (1867—1871), они прожили в городе на Эльбе в общей сложности

¹ Единственный, правда популярный, обзор см.: *Hexelschneider E.* «Meine Adresse: Allemagne, Saxe, Dresden à Monsieur Théodore Dostoiewsky, poste restante» // *Sächsische Heimatblätter: Zeitschrift für sächsische Geschichte, Denkmalpflege, Natur und Umwelt.* 1996. Bd 42. Hf. 5. S. 316—321.

двадцать пять месяцев, то есть свыше двух лет. За эти годы Федор Михайлович Достоевский написал большое количество художественных произведений (вместе с подготовительными материалами они занимают теперь в Полном собрании сочинений пять томов — с восьмого по двенадцатый) и около тома писем. Среди дрезденских произведений находятся утраченная статья о В. Г. Белинском, повесть «Вечный муж» и первая часть романа «Бесы». Там же были написаны отрывки, относящиеся к не доведенному до конца замыслу «Житие великого грешника». Из Дрездена Достоевский вел переговоры об издании романа «Идиот». 15 (27) мая 1869 года, накануне последнего приезда в столицу Саксонии, Достоевский писал А. Н. Майкову о Дрездене: «...Это город испытанный, сравнительно дешевый, даже с знакомыми» (29₁, 45), а в «Бесах» Петр Верховенский дал знаменитую характеристику Дрездена, назвав город «кладом в табакерке» (10, 315). Однако исследователи Достоевского, говоря о его пребывании в Дрездене, обычно ограничиваются пересказом событий, изложенных в известном «Дневнике 1867 года» и в гораздо позже написанных (и потому несколько приукрашенных) «Воспоминаниях» Анны Григорьевны Достоевской, а также в письмах писателя этого периода. Даже такие авторитетные издания, как трехтомная «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1993—1996) и изданный С. В. Житомирской в серии «Литературные памятники» «Дневник 1867 года», содержат немало неясностей и ошибок относительно дрезденских периодов жизни Достоевского. Сказанное не следует воспринимать как упрек русским исследователям. Ими проделана огромная работа, но они пользовались только источниками, доступными в России. Досаднее всего то, что и немецкие русисты не исследовали данную тематику глубже и не обратились к местным источникам. Новейший немецкий перевод «Дневника» лишь отчасти исправил ошибки, допущенные А. Г. Достоевской в написании местных наименований, а фамилии названных ею дрезденских жителей вовсе не проверил.² Правда, существует несколько старых статей местных краеведов и публицистов о Достоевском в Дрездене, но в них в основном пересказывается содержание «Дневника» по первым переводам 1925 г.³

Занимаясь уже несколько лет русско-саксонскими культурными связями, и в особенности пребыванием русских писателей, художников, музыкантов, композиторов, ученых и студентов в Дрездене и Лейпциге, я начал систематически проверять все

---

² *Dostojewskaja A. G. Tagebücher: Die Reise in den Westen. Königstein im Taunus, 1986.*

³ *Das Tagebuch der Gattin Dostojewskis / Hrsg. R. Fülöp-Miller, F. Eckstein. München, 1925; Dostojewski A. G. Tagebuch. Die Krise Dostojewskis / Hrsg. K. Kersten. Berlin, 1925; Needon K. Dostojewski in Dresden // Dresdner Hefte. Sonderheft 1992: Dresden und seine berühmten Besucher. Dresden, 1992. S. 84—87 (перепечатка статьи 1925 г.).*

сохранившиеся сведения о жизни Ф. М. Достоевского и его семейства в Саксонии, сопоставляя их с материалами местной печати, другими печатными источниками и архивными данными. Работа еще не окончена, так как многие источники пока не найдены или просто не просмотрены. Но предлагаемые вниманию читателя предварительные результаты свидетельствуют о том, что дальнейшее исследование «русского» Дрездена 1860-х годов способно и в будущем принести новые неожиданные открытия, касающиеся жизни Достоевских в этом городе.

1. Источниковедческое значение «Дневника 1867 года» А. Г. Достоевской

Что касается сообщенных в «Дневнике» сведений о жизни Анны Григорьевны с Федором Михайловичем, о ее мечтах, о взаимоотношениях с мужем, о конфликтах супругов и т. д. — то тут, на мой взгляд, в исследовательской литературе все сказано. Но мало кто интересовался тем, как молодая женщина воспринимала новую для нее жизнь за границей, как она отзывалась о Дрездене — первом немецком городе, с которым она основательно познакомилась, о его жителях, о немецких нравах и о быте Саксонии вообще. Замечательно, например, описание Зоологического парка, открытого в 1850 году на территории Большого сада,⁴ или живые изображения поездок в Саксонскую Швейцарию, а также чрезвычайно важные наблюдения А. Г. Достоевской над «русской колонией» в Дрездене. Было бы, конечно, весьма интересно обстоятельно рассмотреть мнения Достоевских о дрезденских гражданах на фоне их суждений о немцах и о Германии вообще. Следовало бы также проанализировать постоянные для Достоевских сравнения дрезденской действительности с петербургской, но это не входит в задачи данной статьи.

Нас интересует более скромный вопрос: насколько достоверно отразилась в записях А. Г. Достоевской тогдашняя жизнь Дрездена? Следует сразу же сказать, что скрупулезное сопоставление «Дневника» с другими материалами доказывает точность сведений, сообщенных Достоевской. Этому немало способствовало то обстоятельство, что Анна Григорьевна вела личный дневник, никогда не предназначавшийся для публикации. Но сравнение с газетными материалами иногда дает ценные уточнения виденного ею. Вот несколько примеров.

1. *Из области музыки.* Как известно, Достоевские довольно часто ходили слушать музыку. Тогдашний Дрезден не имел концертного зала; он был построен только в 1870 году (так

---

⁴ *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1993. С. 62 и след.* В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

называемый Gewerbehaussaal). Тем не менее музыкальная жизнь города была чрезвычайно насыщенной. Музыка звучала в Королевской опере, в залах крупных гостиниц, по воскресеньям в католической церкви, а летом под открытым небом, прежде всего в Большом саду («Großer Garten»; А. Г. Достоевская называла его всегда по-французски «Grand Jardin»). Именно там и в ресторане «Belvedere» на Брюлевой террасе очень часто бывали Достоевские. Особое очарование придавала концертам чудесная барочная атмосфера старого города и природа с ее красотами. Лучшие оркестры города, а также прусские и саксонские военные оркестры играли там за очень умеренную входную плату или даже даром.⁵ С 19 мая 1867 года начались, например, воскресные концерты в «Бельведере», проходившие с 16 до 22 часов. В объявлении говорилось: «Мало где сыщется более дешевое наслаждение за 2½ новых гроша в самом красивом месте Дрездена».⁶ Репертуар оркестров включал классические симфонии, а также легкую музыку.

По объявлениям в газете «Dresdner Nachrichten» («Дрезденские известия») можно восполнить некоторые пробелы в «Дневнике 1867 года». Так, 17 июня Достоевская записала: «Сегодня играли произведения Mozart'a: „Andante Cantabile“, „Menuet“, „Allegro“, все удивительно хорошо» (с. 87). В заранее напечатанной программе значится: «Симфония С-Dur с заключительной фугой В. А. Моцарта»⁷ — то есть так называемая Jupitersinfonie, KV 551, о чем в свое время уже догадался А. А. Гозенпуд⁸ (правда, А. Г. Достоевская воспроизвела последовательность частей не совсем точно). Играл в тот день городской оркестр (так называемый Stadt-musikchor) под руководством городского музык-директора Морица Эрдмана Пуфхольдта (Puffholdt; ум. 1889), который в 1870 году стал первым дирижером новой дрезденской филармонии.

22 июня Достоевские пошли «на какой-то концерт с песнями и мужским хором» (с. 96), дававшийся за повышенную входную плату. Они прослушали во втором отделении концерта не только увертюру к опере «Фиделио» Бетховена и «Мозаику» из оперы Р. Вагнера «Тангейзер», но и музыку К. М. Вебера, О. Николаи, Р. Шумана и хоры из «Эдипа» Ф. Мендельсона-Бартольди. С 6 часов вечера пели известные мужские хоры Дрездена.⁹ Но Достоевские не знали одного немаловажного обстоятельства: этот насыщенный «большой вокальный и инструментальный концерт», снова под управлением Пуфхольдта, состоялся в пользу популярного немецкого писателя Ф. Фрейлиграта (1810—1876), жившего в ту пору в большой бедности. По инициативе

⁵ Härtwig D. Die Dresdner Philharmonie. Leipzig, 1985.

⁶ Dresdner Nachrichten. 1867. 19. Mai. N 139.

⁷ Ibid. 17. Juni. N 168.

⁸ Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л., 1971. С. 107.

⁹ Dresdner Nachrichten. 1867. 22. Juni. N 173.

журнала «Die Gartenlaube» («Беседка») по всей Германии устраивали тогда концерты и просто сборы денег, чтобы в качестве «национального подарка» дать писателю возможность вернуться из лондонской эмиграции на родину. В общей сложности тогда собрали 60 000 талеров; дрезденский концерт, на котором присутствовала Анна Григорьевна с мужем, принес 225 талеров.¹⁰

29 июня Достоевские слушали с большим восторгом первые три части «D-Dur Bethoven», как записала Анна Григорьевна (с. 108). При помощи газеты можно установить, что играл опять городской оркестр под управлением Пуфхольдта. Исполнена была симфония Бетховена N 2 Re major op. 36 (как и предполагал А. А. Гозенпуд¹¹). А 14 июня Достоевские «слышали „Feldmarsch“ из „Rienzi“ Wagner’a» (с. 83). Военные оркестры не всегда объявляли заранее свой репертуар. В тот день военный оркестр лейб-гренадерского полка под управлением музик-директора Кунце играл так называемую янычарскую музыку. Видимо, именно из-за этого включили в программу известный «Friedensmarsch» Вагнера (а не «Feldmarsch») из 4-го акта оперы «Риенци», впервые исполненный под управлением самого композитора в Цюрихе в 1853 г.¹²

2. *Из социальной области.* 24 июня, в Иванов день (по-немецки Johannisfest), Достоевские могли наблюдать из окон квартиры празднование в городском приюте для сирот. Достоверность виденного Достоевскими подтверждается заметкой в «Dresdner Nachrichten», где дается обстоятельный отчет о торжествах, о вечернем празднике и о врученных детям подарках. Приведем заключительный комментарий газеты: «Все протекало самым мирным порядком и в целом производило впечатление естественного, непринужденного, детского веселья».¹³ Как известно, впечатления этого дня нашли отклик в рассказах Мышкина о детях в романе «Идиот».

3. *Personalia.* Регулярно помещавшиеся в газетах объявления городской полиции о приезжающих позволяют уточнить дату приезда Вышнеградских, так волновавшего А. Г. Достоевскую из-за недостатка летнего гардероба (с. 69, 99 и др.). «Frau v. Wischnegradsky» действительно прибыла раньше своего мужа, известного педагога Н. А. Вышнеградского (1824—1877), с которым Достоевские так и не захотели встретиться.¹⁴

2. Где жил Ф. М. Достоевский во время своих приездов в Дрезден?

Ф. М. Достоевский был в Дрездене шесть раз. Но как ни странно, только в самое последнее время исследователи заинте-

¹⁰ Ibid. 24. Juni. N 175.

¹¹ Ibid. 29. Juni. N 180. Ср.: Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. С. 107.

¹² Wagner R. Werke. Mainz, 1991. Bd 3. S. 133.

¹³ Dresdner Nachrichten. 1867. 29. Juni. N 180.

¹⁴ Ibid. 5. Juni. N 156; 25. Juni. N 176.

ресовались вопросом о том, где останавливался писатель. К сожалению, в архивах дрезденской полицейской управы, ведавшей делами иностранцев, соответствующие материалы до сих пор не обнаружены. Их нехватку в известной мере восполняют регулярные сообщения полиции о вновь прибывших иностранцах, печатавшиеся в газете «Dresdner Anzeiger» («Дрезденские ведомости»). Согласно правилу, принятому в 1857 году, всякий, кто не имел постоянного местожительства в городе Дрездене, подпадал под категорию «Fremder» (нездешний, иногородний), и ему даже на одну ночь приходилось получать временную прописку.

Первое упоминание о Достоевском в Дрездене мы находим в номере «Dresdner Anzeiger» от 23 июня 1862 года. В помещенном здесь полицейском дневнике за 21—22 июня сообщается, что в город прибыл «Доствевский (Dostvievsky), частное лицо из Петербурга, гостиница „Саксония“».¹⁵ Это соответствует данным «Летописи»,¹⁶ в которой говорится, что писатель прибыл в Дрезден 22 июня днем, а 23 июня выехал во Франкфурт-на-Майне.

После поездки по Западной Европе Достоевский вернулся в Дрезден, если верить «Летописи» (т. 1, с. 376), 18(30) августа 1862 года и уже 2 сентября уехал в Берлин. Обращение к «Dresdner Anzeiger» позволяет уточнить дату приезда писателя в столицу Саксонии: согласно сообщению в газете, он прибыл 31 августа или 1 сентября 1862 г.¹⁷ Странно только одно: паспорт Достоевского был визирован австрийской полицией в Боденбахе (ныне Дечин) уже 18 августа 1862 года.¹⁸ Но от Боденбаха до Дрездена поезд шел только час с небольшим, а, по данным саксонской полиции, которые скорее всего соответствовали действительности, писатель прибыл в город гораздо позже. Как это объяснить?

М. И. Брусовани и Р. Г. Гальперина, анализируя маршрут Достоевского по его заграничному паспорту, выдвинули гипотезу, что писатель провел 1 сентября в Бад Гомбурге за рулеткой.¹⁹ Это чрезвычайно сомнительно. Достоевский до этого никогда не был в Бад Гомбурге — какой же смысл имело для него ехать в совершенно неизвестный ему город всего на сутки и играть там в рулетку? Кроме того, при тогдашнем железнодорожном сообщении из Дрездена можно было добраться до Бад Гомбурга

---

¹⁵ Dresdner Anzeiger. 1862. 23. Juni. N 174. Гостиница «Саксония» располагалась в доме № 9 на Ноймаркте, на углу Мориштрассе.

¹⁶ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821—1881. СПб., 1993. Т. 1. С. 366. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

¹⁷ Dresdner Anzeiger. 1862. 2. Sept. N 245: «Достоевский, рантье (Rentier) из России, гостиница „Виктория“ (на Бисмаркплац. — Э. Х.)». Его друг Н. Н. Страхов был в Дрездене уже в начале августа (Dresdner Anzeiger. 1862. 1. Aug. N 213: «Страхов, частное лицо из России, гостиница „Полония“»).

¹⁸ Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 286, примеч. 72.

¹⁹ Там же. С. 287.

только с пересадкой в Лейпциге, что занимало много времени, даже если ехать и туда и обратно ночью. Но главное: по данным газеты, Достоевский приехал в Дрезден не 30 августа, а не ранее 31 августа 1862 года. Он ждал там денежного перевода. Вряд ли ему стоило ехать в Бад Гомбург на сутки, ведь в его распоряжении было, судя по данным австрийской визы в паспорте, гораздо большее количество дней до прибытия в Дрезден (с 18 до 31 августа), если только запись в паспорте была правильно прочитана. К тому же, из «Дневника» А. Г. Достоевской (с. 10 и др.) следует, что он в дрезденские дни 1862 года посещал картинную галерею, так как в 1867 году он был уже хорошо знаком со знаменитыми картинами, хотя не сразу сумел вновь сориентироваться в музее. Что же касается даты в паспорте, то здесь, на наш взгляд, произошла ошибка пограничников, которые по оплошности поставили дату по юлианскому, русскому календарю вместо принятого в Австрии григорианского. Все это требует дальнейшей проверки в местных архивах, а также нового прочтения паспорта Достоевского.

В 1863 году писатель прибыл в город 18 или 19 августа (последнее вероятнее всего, так как 18-го он был еще в Берлине): «Достоевский, из России, гостиница „Виктория”». ²⁰ На следующий день он уехал во Франкфурт-на-Майне. После второго путешествия Достоевский вернулся в Дрезден, согласно «Летописи» (т. 1, с. 426), 29 октября 1863 года, по данным же дрезденской полиции он прибыл только 2 или 3 ноября. ²¹ Только дальнейшие разыскания могут объяснить эту разницу в датах. Когда писатель уехал из города, неизвестно.

На более длительный срок Достоевские прибыли в Дрезден 1 мая 1867 года из Берлина (т. 2, с. 105). В газете читаем: «Достоевский, помещик, Петербург, город Берлин». ²² Но гостиница была им не по карману, и они переселились в частные меблированные комнаты на Иоганнисштрассе, 25. Правда, эта квартира, располагавшаяся на втором этаже (по немецкой нумерации), была очень шумной, так как на улице с раннего утра чинили мостовую (с. 135). Жили они у швейцарки М-ме Люси Циммерман (Zimmermann), видимо проживавшей в Саксонии уже давно; ее покойный муж был преподавателем музыки. ²³ Внизу жил фабрикант соломенных шляп, вверху — портретист и рабочий, рядом с ними сестра Циммермана, Генриетта Франциска Фраухигер (Frauchiger — не Фроше, как у Достоевской (с. 79)), преподавательница французского языка, с которой А. Г. Достоевская была в очень хороших отношениях, как и с преподавательницей

---

²⁰ *Dresdner Anzeiger*. 1863. 20. Aug. N 232.

²¹ В газете читаем: «Достоевский, рантье (Propriateur) из Петербурга, гостиница „Виктория”» (*Dresdner Anzeiger*. 1863. 4. Nov. N 308).

²² *Dresdner Anzeiger*. 1867. 2. Mai. N 122.

²³ *Adreß- und Geschäftshandbuch der Königlichen Haupt- und Residenzstadt Dresden für das Jahr 1867*. 13. Ausgabe. Dresden, 1867. Abteilung I. S. 319.

английского языка Элизой Гарриэт Маргарет Томпсон (Thompson; в «Дневнике» (с. 39, 53 и др.) везде ошибочно: Томсон). В этой квартире в центре города, недалеко от любимого ими Большого сада, Достоевские жили до отъезда в Южную Германию 3 июля 1867 года.

В Дрезден они вернулись после долгих странствий по Швейцарии, Италии и Австрии только в 1869 году. Об их прибытии в город 13 или 14 августа сообщает довольно странная полицейская запись: «Достовевцкий, рантье (Dostoviewzcky, Rentier), Варшава, гостиница „Москва”». ²⁴ Настораживает не только сильно искаженная фамилия литератора, но и сообщение о прибытии из Варшавы. Здесь следует предположить ошибку писаря, поскольку сами даты верны: в «Летописи» (т. 2, с. 215) говорится о прибытии семейства Достоевских в Дрезден 14 или 15 августа. Сопоставив это указание с данными газеты, можно с наибольшей степенью вероятности считать днем прибытия Достоевских в Дрезден 14 августа 1869 года.

Очевидно, переехав из Праги в Дрезден, семейство Достоевских (то есть Федор Михайлович, беременная Анна Григорьевна и ее мать Анна Николаевна Сниткина) сперва поселилось в скромной гостинице «Москва» на Кристианштрассе. Спустя некоторое время они сыскали новую подходящую частную квартиру. Они нашли ее совсем близко — в доме № 5 по Викториаштрассе, недалеко от своей прежней дрезденской квартиры на Иоганнисштрассе. Снова поселиться у мадам Циммерман и ее сестры они не могли, а может быть, уже и не хотели (впрочем, эта квартира тогда была занята). В адресной книге за 1870 год находим следующую запись: «Достоевский, Федор фон, поручик русской армии, Викториаштрассе 5. III». ²⁵ III означает, по русским понятиям, четвертый этаж, что Анна Григорьевна уже с удивлением отмечала ранее (с. 12). Достоевские занимали там три комнаты, по соседству с учителем Августом Буком (Buck). Еще в доме жили мужской портяной, сапожник, переплетчик и купец Яблонский (Jablonsky). Все это кое-что говорит о той среде, в которой пришлось жить русскому писателю со своим семейством.

Именно в этом доме родилась 14 (26) сентября 1869 года любимая дочь Достоевских Любовь Федоровна. Официальная запись, сделанная в полиции (где Достоевский не сразу смог вспомнить имя дочери), ²⁶ пока не найдена. Крестили малютку 30 декабря (12 января 1870 года) священник Александр Розанов с псаломщиком А. Певцовым. Дата крестин уточнена нами по метрической книге за 1870 год русской православной церкви в

²⁴ Dresden Anzeiger. 1869. 15. Aug. N 227.

²⁵ Adreß- und Geschäftshandbuch der Königlichen Haupt- und Residenzstadt Dresden für das Jahr 1870. Dresden, 1870. Teil 1. S. 51. К сожалению, в «Летописи» (т. 2, с. 237) неверно указан номер дома.

²⁶ Dostojewski. Geschildert von seiner Tochter A. Dostojewski. München, 1920. S. 175—176.

Дрездене.²⁷ Крестины были весьма скромными ввиду тяжелой денежной нужды, в которой жила тогда семья Достоевского. Крестные родители, А. Н. Майков и В. М. Иванова, не смогли присутствовать при крестинах (по церковному ритуалу это было вполне допустимо, если ребенка крестили за границей). Мать Анны Григорьевны заступила место сестры Федора Михайловича. Странно, что брат Анны Григорьевны, Иван Григорьевич Сниткин, не участвовал в обряде вместо Майкова. Между тем он приехал в Дрезден еще во второй половине октября 1869 года (29, 89) (точная дата прибытия пока не известна) и жил там почти год, но с самого начала не у Достоевских.²⁸ Таким образом, в трехкомнатной квартире на Викториаштрассе с сентября 1869 года жили трое взрослых с ребенком. Из писем Достоевского той поры видно, какими трудными, даже безнадежными были тогда обстоятельства его семейства. Именно в то время ему пришлось заложить в ломбард даже штаны (29, 69).

Весьма сомнительные данные относительно еще одного переселения Достоевского в 1870 году сообщаются в книге Л. П. Гроссмана. Он утверждает, что Достоевский жил со своим семейством с апреля по октябрь 1870 года на «аллее Иоганна-Георга, 8», на втором этаже, и приводит снимок этого углового дома.²⁹ Но, как ни странно, в самом тексте его «биографии в датах и документах» об этом даже не упоминается, не говоря уже о документальных доказательствах. Некоторые современные немецкие авторы повторяют данное утверждение, тоже без доказательств.³⁰ Наша проверка показала, что улица под названием Johann-Georgen-Allee в Дрездене существовала только с 1889 года (сегодня ей приблизительно соответствует Lingnerallee).³¹ В адресных книгах за 1869 и 1870 годы такая или подобная улица не значится. Таким образом, утверждение Гроссмана, несмотря на снимок, пока остается бездоказательным. Но документально подтверждается переселение Достоевских на новую квартиру в октябре 1870 года. 10 октября Достоевский отметил в записной книжке: «предстоит переменить квартиру» (27, 103). Когда точно

---

²⁷ Приношу искреннюю благодарность отцу Георгию из русской православной церкви г. Дрездена, сообщившему мне эти данные. Публикация метрической книги предполагается в будущем.

²⁸ Он женился на русской, семейство которой жило тогда в Дрездене. Отчимом Ольги Кирилловны (так звали будущую жену И. Г. Сниткина) был богатый купец Образцов. Из-за того что родители невесты не дали согласия на брак, молодые вынуждены были за бешеные деньги венчаться в Вене (29, 191—193).

²⁹ Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л., 1935. С. 165. Тот же самый снимок с теми же данными приводит и С. В. Белов (*Достоевская А. Г. Воспоминания // Дальний Восток*. 1971. № 11. С. 134).

³⁰ *Stimmel F., Eigenwill R., Glodscher H. u. a. Stadtllexikon Dresden: A—Z*. Dresden; Basel, 1994. S. 103—104; *Weiß N., Wonneberger J. Dichter, Denker, Literaten aus sechs Jahrhunderten in Dresden*. Dresden, 1997. S. 38—39.

³¹ *Kregelin K. Das Namenbuch der Straßen und Plätze im 26er Ring. Halle (Saale)*, 1993. S. 75.

совершился переезд, установить пока не удалось. В адресной книге Дрездена за 1871 год приводится новый адрес писателя: «Достоевский, Федор фон, поручик русской армии, Бюргервизе, 15b I».³² Это была последняя квартира Достоевских в столице Саксонии. Рядом с их семейством жил подполковник артиллерии барон Карл Рудольф фон Хаузен (von Hausen), а также простые люди, связанные с находившейся поблизости баней Дианабад (Dianaabad; основана в 1865 году, владельцем ее был некто Рихард Штаудингер (Staudinger)). Уже весной 1867 года Достоевский часто ходил туда, чтобы принимать русские бани. Сама квартира была «прехолодная» (29, 165).

Таким образом, вопрос о дрезденских квартирах Достоевского, несмотря на некоторые спорные детали, представляется в основном решенным. Если не считать гостиниц, Достоевский всегда жил в квартирах в центре старого города (Altstadt), поблизости от Большого сада, в так называемом Английском квартале (Englisches Viertel). Крайняя нужда заставляла его выбирать квартиры, соответствующие скудному бюджету семьи, но в то же время обеспечивавшие хотя бы самые скромные условия для творческой работы. Географически дрезденский мир Достоевских охватывал пространство между Большим садом и Цвингером, между Японским дворцом и сегодняшним Главным, тогдашним Богемским, вокзалом, между Брюлевой террасой и вокзалом Нойштадтбанхоф (откуда пролегалла дорога в Бад Гомбург, с пересадкой в Лейпциге).

К сожалению, все те дома, в которых когда-то жили Достоевские, уничтожены войной, а также довоенными и послевоенными перестройками и новостройками. Старые снимки этих зданий пока не найдены. Есть в Дрездене улица Достоевского (Dostojewskistraße), которая не имеет никакого непосредственного отношения к писателю, если не считать, что он с женой ходил по Лошвицу (Loschwitz, так называется по-немецки эта часть города). Тем отраднее, что в 1996 году Немецко-русский культурный институт при поддержке дрезденской общественности заложил (пока только символически) первый камень на месте будущего памятника Достоевскому, который задуман как копия московского памятника работы А. Ю. Рукавишников. Он должен быть воздвигнут поблизости от русской православной церкви, недалеко от тех мест, где когда-то жили Достоевские. Будем надеяться, что в скором времени все это осуществится.

3. Русская колония в Дрездене в 60-е годы

Если внимательно читать «Дневник 1867 года», письма Достоевского и другие материалы, сразу же бросается в глаза относящееся именно к дрезденскому периоду обилие встреч с русскими.

---

³² Adreß- und Geschäftshandbuch der Königlich Haupt- und Residenzstadt Dresden für das Jahr 1871. Dresden, 1871. Teil I. S. 208.

А. Г. Достоевская сообщает о разговоре с одной соотечественницей, которая сказала ей, «что здесь довольно много русских, что здесь гораздо выгоднее жить, чем в России» (с. 56). А на знаменитом мостике Бастайбрюке (Basteibrücke) сама Достоевская не без юмора заметила: «Все стены здесь исписаны различными именами, встречается огромное множество имен русских. Видно и русские стараются „обессмертить“ себя» (с. 55).

О существовании в Дрездене «целой колонии русских» упоминал уже Ф. И. Тютчев в сентябре 1841 года.³³ Начиная с этого времени в немецкой и русской печати и в других источниках все чаще попадаются известия о «русских домах» или салонах в городе на Эльбе, в которых русские путешественники встречались со своими соотечественниками, проживавшими в Саксонии временно или постоянно. Однако жизнь русской колонии в Дрездене пока совершенно не изучена. Отчасти это объясняется тем, что надежные статистические данные о русском населении в Саксонии имеются только с начала 70-х годов прошлого века. К тому же многие из приезжих русских не попали в адресные книги: то ли они жили в городе слишком короткое время, то ли останавливались в фешенебельных дрезденских гостиницах.

Во второй половине 50-х годов и особенно в 60-е годы в Дрезден все чаще прибывали состоятельные люди из России. Город всегда был притягателен для иностранцев, в том числе и для русских. Посетителей привлекали многочисленные дрезденские достопримечательности: знаменитая картинная галерея и другие королевские музеи, великолепная Брюлева терраса («Балкон Европы») с чудесным видом на Эльбу, причудливые ландшафты Саксонской Швейцарии и чудесные пригороды с умеренным климатом. Кроме того, в Дрездене практиковали известные врачи; отсюда было недалеко и до богемских курортов. Сам город был сравнительно мал для столицы королевства: в 1867 году он насчитывал 156 024 жителя (без пригородов), в том числе 4 658 иностранцев; до 1871 года число жителей возросло до 177 040, в том числе 6 250 иностранцев.³⁴ Для сравнения укажем, что население Петербурга уже в 1863 году составляло почти 540 000 жителей.

Ко времени первого приезда Достоевских в Дрезден в 1867 году там проживало, по весьма приблизительной оценке, 500—600 русских. Официальных данных для этого периода еще не имеется; метрические книги православной церкви с записями о крестинах, свадьбах и похоронах пока недоступны. В 1871 году, в последний приезд Достоевских в Дрезден, там проживало — по официальным данным — 1 134 русских,³⁵ включая сюда и поляков (Польша была частью Российской империи). Таким образом,

³³ Тютчев Ф. И. Соч.: В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 64.

³⁴ Richter R. Reichsausländer in Dresden zwischen 1871 und 1914. Diplomarbeit an der Humboldt-Universität zu Berlin. 1996. S. 51.

³⁵ Ibid. S. 54.

русские составляли тогда 18 % от числа всех живших в Дрездене иностранцев; первое место в этом списке занимали австрийцы, а за русскими следовали американцы и англичане. Обилие русских в Дрездене было связано с указом Александра II после его коронации в феврале 1855 года. Согласно новому указу, условия для путешествий за границу существенно облегчались: например, налог на паспорт составлял всего 5 рублей, а ограничений на выезд почти не было. Критик и публицист В. Р. Зотов мог поэтому со всей уверенностью утверждать: «В 1857 году, когда поездка за границу сделалась доступной для всех, много лиц из литературного мира воспользовались уничтожением преград, разобщавших нас от Западной Европы».³⁶ Среди русских посетителей Дрездена было немало писателей. В 1850—1860-е годы Дрезден посетили А. К. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, П. А. Вяземский и многие, многие другие.

В 60-е годы русские в столице Саксонии были, по-видимому, вполне нормальным явлением для местных жителей. Известная русско-немецкая поэтесса и переводчица Каролина фон Яниш-Павлова (1807—1893), переселившаяся в 1858 году из России в Саксонию, писала в марте 1859 года: «Никто уже не оборачивается, когда на гуляньях и публичных собраниях послышится русский разговор».³⁷ Несколько экзальтированная Павлова заключила, что степенный Дрезден все больше и больше становится тем, чем он был в зародыше, т. е. славянской колонией (она имела в виду славянское происхождение имени города). И. С. Аксаков в феврале 1860 года следующим образом описывал преимущества дрезденской жизни: «Разумеется, только в Дрездене можно жить порядочной женщине на тысячу талеров (в год. — Э. Х.), т. е. хорошо одеваться, держать тепло в комнате (...), доставлять себе удовольствие театра, концертов, лекции — но не иметь ни шубы, ни экипажа, а бегать пешком, как здесь все и делают. Вся обстановка жизни нашего среднего дворянства здесь обстановка de la plus haute aristocratie (самая аристократическая (фр.). — Э. Х.), напр., иметь пару лошадей, лакея».³⁸ В 1862 году то же самое утверждал неизвестный немецкий автор в журнале «Russische Revue»: «Из русских, ежегодно толпами отправляющихся путешествовать за границу, очень многие имеют обыкновение проводить зиму в Дрездене. Хотя они сами в немалой мере содействовали тому, что пребывание в саксонской столице стало много дороже, чем было еще несколько лет тому назад, они

---

³⁶ Цит. по: Емельянов Ю. Н. Список лиц, выезжавших за границу в 1857—1861 гг. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970. Т. 5. С. 235.

³⁷ Павлова К. К. От Москвы до Дрездена. Рукопись находится в РО ИРЛИ РАН (ф. III, оп. 1, № 1588). Приношу свою глубокую признательность Рукописному отделу за возможность воспользоваться этим материалом.

³⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. С. 355.

все-таки оказываются в выигрыше. Сам образ жизни здесь совсем не тот, что на родине, где иному уже его положение в обществе не разрешает бережно обходиться со своим карманом. Здесь они могут обустроиваться как чужестранцы — так, как им хочется (...). Где бы они ни останавливались, повсюду они словно бы приносят с собою свой домашний очаг. В новейшее время Дрезден предупредительнейшим образом содействует тому, чтобы облегчить им эту иллюзию. Иные купцы почитают долгом гостеприимства украшать свои вывески русскими надписями, а знаменитый „Dresdner Anzeiger“, смотровая площадка промышленности и арена любовных авантур резиденции, родными звуками, чуждыми орфографиями, манит русского купить продукты далекого Востока». ³⁹ В газетах той поры были не редки специальные объявления для русских и даже на русском языке. Так, 5 июня 1867 года русский церковный староста М. Кротков (о котором мы пока ничего не знаем) напечатал в немецкой газете следующее объявление кириллицей, которое мы повторяем буквально: «В следующий Четверг, 25 Мая / 6 июня, в Праздник Вознесения Господня, имеет быт совершения в Православной Церкви здешней в 11 ч. утра». ⁴⁰ Православные службы проводились в Дрездене уже с 1813 года, но приход был основан только в 1861 году; службы тогда проходили в греко-католическом молельном доме (Griechisch-Katholisches Bethaus) на Бойштштрассе, 6, рядом с русским посольством.

При желании в тогдашнем Дрездене можно было посетить и некоторые публичные увеселения, напоминавшие о России. Например, в мае 1867 года в Летнем театре Большого сада выступала танцовщица московского французского театра Стелла; в ее репертуаре была и русская «Камаринская». ⁴¹ Несколько позже там же давали одноактную комедию «Что Вы думаете о России?» («Was denken Sie über Rußland?»). ⁴² Перед самым отъездом из Дрездена А. Г. Достоевская записала, что из Большого сада «издалека слышали музыку, игравшую „Боже, царя храни“» (с. 112). Достоевские туда не пошли, и по какому поводу был исполнен гимн, установить не удалось.

Эта «русская обстановка» доставляла Достоевским некоторые житейские удобства. Они нередко делали покупки у греческого купца Гелиодоруса Курмузи (Heliodorus Kourmoussi), обосновавшегося на Прагерштрассе, или приобретали русские лакомства в «Russische Productenhandlung» купца Эдуарда Филиппа (Philipp) близ церкви Кройцкирхе. В ресторанах на Брюлевой террасе и у Хельбига (Helbig) над Эльбой они читали прессу разных стран, в том числе и русские газеты. В центре города находилось несколь-

³⁹ *H. P. Russische Vorlesungen in Dresden // Rus. Rev.* 1863. Bd 1. S. 298—299.

⁴⁰ *Dresdner Nachrichten.* 1867. 5. Juni. N 156. Кстати, Анна Григорьевна в этот день в церкви не была (с. 70—71).

⁴¹ *Dresdner Nachrichten.* 1867. 20. Mai. N 140.

⁴² *Ibid.* 21. Juni. N 172.

ко книжных магазинов и библиотек, в которых Достоевские нашли, между прочим, и потаенную русскую литературу, издания лондонской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Особенно привлекательны были для Достоевских те библиотеки, которые выдавали за плату книги на дом, как например Похмановская библиотека на Вильсдруферштрассе,⁴³ библиотека Юлиуса Хайнце на Вальштрассе⁴⁴ и библиотека Шмидта на Морицштрассе.⁴⁵ Именно в последнюю из названных библиотек Достоевский посылает в апреле 1871 года свои письма жене о проигрышах на рулетке в Висбадене (29₁, 201), чтобы об этом не узнала его теща.

А. Г. Достоевская чаянно-нечаянно заводила все новые и новые знакомства с русскими — на пароходе, в магазине, в парке. Но в свой приезд 1867 года она еще мало вращалась в дрезденской русской среде, хотя несколько раз ходила в церковь, которая была своеобразным местом встречи соотечественников. Видимо, из-за собственного скромного положения ей тогда трудно было говорить с видными «разодетыми» дамами (с. 24). Сам Достоевский в то время чуждался официальной церкви и, более того, ненавидел любые сношения с русскими за границей. Мы знаем пока только о том, что он несколько раз встречался с русским филологом П. А. Висковатовым (1842—1905), только что защитившим в лейпцигском университете диссертацию о немецком гуманисте Якобе Вимфелинге (1450—1528) под названием «Якоб Вимфелинг. Его жизнь и творчество. Из истории немецких гуманистов» (1867). А. Г. Достоевская утверждает, что именно Висковатов был тем русским на чужбине, которого так сатирически описал Достоевский в письме Майкову от 16 (28) августа 1867 года (28₂, 206—207, 449). Однако это утверждение еще требует дополнительных доказательств.

Во время второго приезда в Дрезден обстоятельства заставили Достоевского сблизиться с русскими соотечественниками, хотя большинство из них по-прежнему вызывали его неприятие. Еще в октябре 1870 года он писал Майкову: «Здесь знакомств имею мало, а русских в Дрездене такая куча, как англичан. Все дрянной народ, то есть вообще говоря...» (29₁, 147). Все же А. Г. Достоевская сообщает в «Воспоминаниях», что они после крестин Любови, т. е. начиная с весны 1870 года, часто встречались по воскресеньям после обедни в семейном кругу у гостеприимного отца Розанова: «Между новыми знакомыми оказалось несколько умных и интеллигентных людей, с которыми мужу было инте-

⁴³ Pochmann'sche Leihbibliothek, Wilsdruffer Straße, 32; в «Дневнике» ошибочно: Pachman (с. 20, 25, 30); владельцем этой библиотеки был М. Брандт (M. Brandt).

⁴⁴ Leihbibliothek Julius Heinze, Wallstraße, 1; в «Дневнике» ошибочно: Hainze (с. 102).

⁴⁵ Leihbibliothek Schmidt, Moritzstraße, 17; владельцами ее были наследники Шмидта — Schmidts Erben. Адреса всех указанных библиотек приводятся по: Adreß- und Geschäftshandbuch der Königlichen Haupt- und Residenzstadt Dresden für das Jahr 1867. Dresden, 1867. Abteilung 2. S. 210.

ресно беседовать. Это была хорошая сторона дрезденской жизни».⁴⁶ Но с кем именно они там познакомились, пока не установлено. Известна только фамилия графини Л. И. Кушелевой-Безбородко, с которой Достоевский беседовал о растущих антирусских настроениях в Саксонии.

12 декабря 1870 года Достоевский сочинил, по поручению соотечественников, приветственный адрес канцлеру А. М. Горчакову, который подписали около 100 лиц (29, 382 и 547—548). Поневоле Достоевскому даже пришлось в какой-то степени включиться в общественную жизнь русской колонии: «Как ни старались мы уклоняться от знакомств с здешними русскими, которых здесь множество, но не уклонились. Сами собой завелись некоторые. Вообразите, я новый год должен был встретить на бале у нашего здешнего консула» (29, 165; правда, в Дрездене существовало с 1698 года не консульство, а посольство при саксонском дворе). Об этом музыкальном вечере в честь русского Нового года, устроенном 16 января 1871 года новым послом России при саксонском дворе, государственным советником Вильгельмом фон Коцебу (von Kotzebue, 1813—1887), сообщалось и в дрезденской прессе.⁴⁷

4. А. Г. Достоевская и Стенографический институт в Дрездене

В свой первый приезд в Дрезден А. Г. Достоевская встречалась с немецкими стенографами по крайней мере пять раз. До сих пор комментаторы «Дневника» и биографы Достоевских уделяли этому обстоятельству крайне мало внимания.⁴⁸ Между тем записи о стенографической библиотеке и о собрании, на котором присутствовала жена писателя, дают немалый материал для исследователя такой обширной и малоизученной темы, как русско-саксонские связи в области стенографии.

Общеизвестно, что А. Г. Достоевская получила стенографический диплом из рук Павла Матвеевича Ольхина (1830—1915), одного из лучших русских стенографов. Менее известны связи

⁴⁶ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1987. С. 210.

⁴⁷ *Dresdner Nachrichten.* 1871. 18. Jan. N 14. Кстати, сам посол упражнялся в литературе, сочинял пьесы и печатал рассказы под псевдонимом «Wilhelm Augustsohn» (намек на то, что он был сыном известного в свое время писателя А. фон Коцебу). Он же перевел в 1839 году на немецкий язык ответ Н. И. Греча на книгу А. де Кюстина «La Russie».

⁴⁸ Из имеющейся литературы см.: *Dewischeit K.* 1) *Dostojewski und die Kurzschrift // Der deutsche Stenograph.* 1926. N 4. S. 49—54; 2) *Das stenographische Tagebuch der Gattin Dostojewskis // Jahrbuch der Schule Stolze-Schrey.* Berlin, 1930. S. 213—225 (здесь указан любопытный факт: во время свадьбы Достоевских шлейф невесты нес один из маленьких сыновей стенографа П. М. Ольхина, одетый в русский национальный костюм); [Без автора]. *Die Kurzschrift im Dienste Dostojewskis // Werkschrift.* Göttingen, 1931. Jg. 4. S. 13—16.

последнего с его коллегами из Германии. В предисловии к своей книге «Руководство к русской стенографии, по началам Габельсбергера» (СПб., 1866) Ольхин сообщает, что он два года занимался в Германии изучением разных стенографических систем.⁴⁹ Один из важнейших центров немецкой стенографии находился в те годы в Дрездене.⁵⁰ Уже в 1839 году при саксонском парламенте был образован Королевский Стенографический институт (Königliches Stenographisches Institut), вплоть до 1902 года остававшийся единственным учреждением подобного рода в Германии. Первым его директором был известный саксонский демократ, врач по профессии, Франц Якоб Вигард (Wigard, 1807—1885), который не только организовал стенографическую службу при саксонском парламенте, но и налажил обучение новичков по системе баварского стенографа Франца Ксавера Габельсбергера (Gabelsberger, 1789—1849).

Другой саксонец, Юлиус Вольдемар Цайбиг (Zeibig, 1819—1905),⁵¹ с которым А. Г. Достоевская часто встречалась и к которому она имела рекомендательное письмо Ольхина, стал членом дрезденского Стенографического института с 1 сентября 1855 года. Он руководил обширной стенографической библиотекой (согласно описанию Цайбига, ее фонд в 1867 году включал уже 1322 названия), вел международную переписку института на девяти языках, в том числе на русском, и в 1866 году был назначен профессором стенографии. В годы революции 1848—1849 годов Цайбиг был одним из ведущих стенографов немецкого Национального собрания во Франкфурте-на-Майне, о чем он подробно рассказал в своей автобиографии.⁵² Из нее можно узнать немало любопытного и о роли Цайбига для развития русской стенографии. В 50-е годы он много занимался русским языком,⁵³ а позднее имел тесные сношения с киевским профессором Блосфельдом, который в 60-е годы переселился с семейством в Дрезден, и с другими русскими, проживавшими в сак-

---

⁴⁹ Экземпляр книги Ольхина имеется и в дрезденской стенографической библиотеке (Stenographische Sammlung der Sächsischen Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden).

⁵⁰ *Kaden W.* Sachsen und die Stenographie // *Sächsische Heimatblätter*. 1996. Bd 42. Hf. 3. S. 185—195; *Gefner I.* Gabelsberger und Dresden // *Bericht* 38. Intersteno-Kongreß vom 15. bis 21. Juli 1989 in Dresden. S. 48—50.

⁵¹ *Puppel M.* Hofrat Prof. Dr. Julius Woldemar Zeibig † // *Praxis des Stenographischen Unterrichts in Schule und Verein*. Osterwieck, 1906. H. 2. S. 30—31.

⁵² *Zeibig J. W.* Der letzte Stenograph der Nationalversammlung zu Frankfurt. Dresden, 1900. S. 104—107, 129 (Reuter-Bibliothek. Bd 100).

⁵³ Так, Цайбиг перевел басни И. А. Крылова и познакомился с учебниками М. И. Иванина «О стенографии или искусстве скорописи и применение ее к русскому языку» (СПб., 1858), «Русская стенография или скоропись для гласного звукопроизводства и учебных заведений» (СПб., 1866) и «Русская стенография или руководство к изучению скорописи» (СПб., 1867). Все эти книги до сих пор хранятся в фондах Стенографической библиотеки Дрездена — правда, без каких-либо помет Цайбига или других лиц. О М. И. Иванине (1801—1874) см.: *Русский биографический словарь*. СПб., 1897. Т. 8. С. 1—2.

сонской столице. В 1863 г. Цайбиг, по поручению русского правительства, впервые разработал вместе с юристом и ориенталистом бароном Н. Е. Торнау (1812—1882) проект стенографии по системе Габельсбергера на русском языке. Но министерство юстиции предпочло проект Ольхина, также основанный на системе Габельсбергера. До этого Цайбиг, по поручению русского посольства в Дрездене, написал для правительства в Санкт-Петербурге отзыв еще об одном проекте русской скорописи. В 1863 году он опубликовал историю мировой стенографии и включил туда краткий обзор стенографии в России,⁵⁴ а в 1871 году участвовал в международном Статистическом конгрессе в Петербурге. Одному из основателей русской стенографии, барону М. А. Корфу, посвятили Цайбиг и Торнау свой учебник под названием «Русская стенография».⁵⁵ О личном знакомстве Цайбига с Ольхиным пока ничего не известно. Но из всего сказанного следует, что теплый прием, оказанный русской стенографистке саксонскими стенографами, был не только данью вежливости по отношению к русской даме.⁵⁶

Все книги, показанные Цайбигом русской гостье, находятся в библиотеке до сих пор, включая «Stenographenlieder» («Стенографические песни», 1863), стенографические журналы, а также учебники известного тогда автора Генриха Рецша (Rätzsch, 1815—1865; в «Дневнике» (с. 87) ошибочно Kätzsch). Сохранился даже виденный А. Г. Достоевской маленький бюст основателя немецкой стенографии Габельсбергера и портрет основателя другой распространенной стенографической системы Вильгельма Штольце (Stolze, 1798—1876; в «Дневнике» (с. 87) ошибочный инициал N.). Заседания Стенографического института происходили еженедельно по четвергам в «Hôtel de France» и протекали именно так, как с некоторой долей наивности описала это Достоевская (с. 92). В 1867 году членами института состояли 9 человек. Присутствовать на заседаниях могли и гости. А. Г. Достоевская познакомилась с директором института профессором Георгом Морицом Хайде (Heyde, 1810—1886; в «Дневнике» (с. 87, 92) Haide или Haude)⁵⁷ и нашла даже одного стенографа с «русской» биографией. Мы имеем в виду старого друга Цайбига, врача Юлиуса Цезаря Хенцше (Häntzsche; Достоевская передавала его фамилию как Händsche (с. 93)). Через свою русскую жену Хенцше был знаком со многими русскими, проживавшими тогда

⁵⁴ Zeibig W. Geschichte und Literatur der Geschwindschreibekunst. Dresden, 1863. S. 116—118.

⁵⁵ Издан в 1864 году двумя изданиями на русском языке в дрезденской типографии «Э. Блохман и сын» («E. Blochman & Sohn»).

⁵⁶ Не случайно и то, что Цайбиг пытался именно при помощи А. Г. Достоевской укрепить связи с русскими и французскими стенографами, особенно с Ж. М. Прево (1808—1873), руководителем стенографической службы при французском Сенате (с. 87, 113).

⁵⁷ Ah. (Ahnert E.). Moritz Heyde // Bunte Blätter (Wolfenbüttel). 1910. 4. Jg. S. 78—79.

в Дрездене, и предложил Достоевским загородную поездку в деревню Дона.⁵⁸ Но Достоевские его предложение отклонили.

Из «Дневника» А. Г. Достоевский известно, что ее визит в стенографическое собрание был отмечен в дрезденской печати (с. 97). Нам удалось найти оригинал процитированной ею заметки в ежедневной газете «Dresdner Nachrichten» (а не в «National-Zeitung», как ошибочно указала Достоевская).⁵⁹ На первой странице номера от 22 июня 1867 года было напечатано следующее:

«На последнем расширенном заседании Стенографического института присутствовала и русская дама, получившая образование по системе Габельсбергера и часто применяющая ее в Петербурге». Кроме подчеркивающего «и» весь этот текст известен. Дальше следует: «Господин директор окружных школ Вагнер сообщил, что он стенографировал заседания Всеобщего немецкого учительского собрания в Хильдесхайме, а доктор Бирей (секретарь Института. — Э. Х.) — что он стенографировал заседания последнего веймарского ландтага. Кроме того, была намечена программа генеральной ассамблеи Всеобщего саксонского союза габельсбергерových стенографов, которая состоится здесь в августе».⁶⁰

Публикуемый нами полный текст сообщения проясняет некоторые до сих пор «темные» места в «Дневнике 1867 года». В одном случае А. Г. Достоевская говорит о собрании стенографов в Веймаре (она ошибочно записала Weimarn), в другом — о подготовке праздника стенографов. К сожалению, список присутствовавших на заседании, в котором поставила свою подпись и Анна Григорьевна, не сохранился.

В стенографических печатных протоколах института нам удалось найти еще один отчет, донныне совершенно неизвестный. Приведем оттуда отрывки, касающиеся А. Г. Достоевской:

«Председатель (Хайде. — Э. Х.) открыл заседание, состоявшееся 20 июня в „Hôtel de France“, приветствием гостей — госпожи фон Достоевский из Петербурга, а также господ д-ра Хенцше и Финстербуша. Далее приводится сообщение Цайбига о том, «что он слышал от господина Хенцше, будто учитель присутствующей госпожи фон Достоевский, господин д-р Ольхен (sic! — Э. Х.), намерен приехать в Дрезден и принять участие в расширенных заседаниях (Стенографического института. — Э. Х.), что собравшиеся восприняли с большой радостью».⁶¹ Этот отрывок подтвер-

---

⁵⁸ По-немецки эта деревня называется Dohna, а не Donau (как говорится в «Дневнике» (с. 93)) или Donpau (как пишут в немецком переводе).

⁵⁹ Названных в комментарии С. В. Белова и В. А. Туниманова газет «Dresdner Missions-Nachrichten» и «National-Zeitung» (см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания*. С. 451) в Дрездене тогда не существовало.

⁶⁰ Dresdner Nachrichten. 1867. 22. Juni. N 173.

⁶¹ Erweiterte Sitzungen des Königlichen Stenographischen Instituts // Correspondenzblatt des Königlichen Stenographischen Instituts zu Dresden. 1867. N 7. S. 46 (протокол от 20 июня 1867 года). За расшифровку стенографического текста по системе Габельсбергера я приношу свою сердечную благодарность Гансу Гебхардту (Экерсдорф).

ждает наше предположение, что Ольхин не просто рекомендовал молодую стенографистку немецкому коллеге, но и воспользовался случаем информировать его о своих дальнейших планах. Состоял ли Ольхин в переписке с Хенцше и посетил ли он в действительности Дрезден, установить не удалось.

Конечно, все эти наблюдения мало что дают для понимания писателя Достоевского. Его фамилия и тем более его произведения в ту пору были известны в Германии лишь немногим,⁶² иначе дрезденская газета безусловно напомнила бы читателям, что русская стенографистка является супругой именитого литератора. Наши наблюдения больше характеризуют саму Анну Григорьевну и ее стенографические интересы. Любопытно, что после встреч с дрезденскими стенографами она опять стала усиленно заниматься стенографией (с. 100). Кроме того, эти встречи свидетельствуют о желании молодой женщины выйти из общественной изоляции, в которой она оказалась в Дрездене. Мы знаем, что из этого ничего не получилось из-за недостатка денег и из-за странного чужачества писателя, избежавшего тогда любых контактов с русским и немецким окружением.

Именно по этой причине Достоевские отказались от приглашения Цайбига поехать с ним на экскурсию в город Тарандт (Tharandt, в «Дневнике» (с. 93) неправильно Thorandt). В другой раз Цайбиг пригласил их в Блазевиц, тогдашний пригород Дрездена, на какое-то мероприятие дрезденского Литературного общества (по-немецки: Literarischer Verein, не Literarisches Gesellschaft, как в «Дневнике» (с. 100)), но и это приглашение Достоевские отклонили. Между тем в Литературном обществе Достоевский мог бы познакомиться с писательским и интеллектуальным миром Дрездена тех лет. Основанное в 1863 году беллетристом Эдуардом Дюбоком (Dubos, псевдоним: Роберт Вальмюллер, 1822—1910), романистом Отто Людвигом (Ludwig, 1813—1868) и известным посредником между русской и немецкой литературами Вильгельмом Вольфсоном (Wolfsohn, 1820—1865),⁶³ это общество ставило своей задачей поощрение литературы, искусства и науки. Членами его были многие представители саксонской интеллигенции, а также некоторые зажиточные граждане города. Членами общества могли быть и иностранцы (как позже, например, Генрик Ибсен). Заседания очень часто проводились в ресторане Хельбига над Эльбой, где Достоевские не раз бывали. К сожалению, архив Литературного общества пока не найден. Вероятно, Цайбиг, который именно в 1867 году был секретарем общества, хотел познакомить Достоевского с некоторыми писателями и богатыми людьми: ведь он, наверняка, дога-

---

⁶² Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846—1921) // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 659 и след.

⁶³ Hexelschneider E. Wilhelm Wolfsohn — ein jüdischer Kulturmittler zwischen Rußland und Deutschland // Dresdner Hefte. 1996. Bd 14. Hf. 45. S. 58—62.

дывался о плачевном финансовом положении своих гостей, а кроме того, быть может, хотел похвастаться русскими «дворянскими» знакомыми.

Кстати, утверждение А. Г. Достоевской, что Цайбиг даже не слышал фамилии ее мужа (с. 78), едва ли следует принимать на веру. Дело в том, что Цайбиг был хорошо знаком с Вольфсоном и даже напечатал в его журнале «Russische Revue» примечательную статью «Стенография в России»⁶⁴ — причем в том же самом томе, в котором Вольфсон повторно опубликовал свой перевод отрывков из «Бедных людей» с обширным введением, посвященным Достоевскому, а также перевод из «Записок из мертвого дома».⁶⁵ Учитывая интерес Цайбига к России, едва ли можно усомниться в том, что он должен был обязательно прочесть эти отрывки из Достоевского. Но поговорить с писателем о его творчестве или о замечательном переводчике Вольфсоне Цайбигу так и не удалось, хотя сам Достоевский нашел дрезденского стенографа «очень хорошим, сердечным человеком» (с. 93).

5. Некоторые итоги

В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской читаем: «Федор Михайлович очень любил Дрезден, главным образом за его знаменитую картинную галерею и прекрасные сады его окрестностей».⁶⁶ Так ли это? В самом деле, Достоевский любил картинную галерею, и Большой сад, и другие парки в центре города, где они с женой часто гуляли. Но о самом Дрездене и его жителях писатель говорил редко. «...Для чего я в Дрездене, именно в Дрездене, а не где-нибудь в другом месте, и для чего именно стоило бросать все в одном месте и приезжать в другое? Ответ-то был ясный (здоровье, от долгов и проч.), но скверно было и то, что я слишком ясно почувствовал, что теперь где бы ни жить, — оказывается *все равно*, в Дрездене или где-нибудь, везде на чужой стороне, везде ломоть отрезанный» (28, 205), — писал Достоевский Майкову 16 (28) августа 1867 года. В подобном расположении духа он был и во время второго, более длительного, пребывания в Дрездене в 1869—1871 годах. Житель большого города, Достоевский, очевидно, недолго любил крупные западноевропейские города, хотя в Дрездене он находил своеобразное удовольствие в том, чтобы сидеть по вечерам на Брюлевой террасе с видом на Эльбу, на город и на горы. Впрочем, в отличие от жены, которая записала: «Как это хорошо, эта Саксонская Швейцария!»

⁶⁴ Zeibig J. W. Die Stenographie in Rußland // Rus. Rev. 1863. Bd 1. S. 326—331.

⁶⁵ Wolfsohn W. Theodor Dostojewsky und seine sibirischen Memoiren // Ibid. S. 136—187, 226—243. Ср.: Schultze Chr. Die Erstübersetzung von F. M. Dostoevskijs Roman «Бедные люди» in deutschen Publikationsorganen. 1846/47 // Zeitschrift für Slavistik. 1981. Bd 26. Hf. 6. S. 867 ff.

⁶⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 168.

(с. 54), литератору ландшафт песчаных гор вовсе не нравился. Не потому ли Верховенский в «Бесах» определил эти горы несколько презрительно — как «карманную Швейцарию» (10, 315)?

Из-за своих быстро меняющихся болезненных настроений писатель и в дрезденских жителях видел по преимуществу дурное и ругал их иногда без должного чувства меры. Вначале так же была настроена и его жена, которая записала: «...Вообще Дрезден — город всевозможных калек. Это самое некрасивое население, которое только я вижу, все старики и старухи просто отвратительны, смотреть не хочется, так они безобразны» (с. 25). Дрезденцы кажутся ей неуверенными в себе, несообразительными, слишком любознательными и даже назойливыми. Но и проживающим в Дрездене русским от нее досталось: «Русские здесь все в высшей степени некрасивые, с какими-то вздернутыми носами и с веснушками на лице» (с. 25). Все это доказывает только то, что не следует придавать слишком много веса этим частю к случаю сказанным словам. Суждения А. Г. Достоевской менялись и дифференцировались по мере того, как она ближе знакомилась с жителями Дрездена: с Цайбигом и другими стенографами или, например, со старичками во время поездки в горы и т. д. Правда, она, как и муж, была потрясена полнейшей неосведомленностью немцев о якобы «варварской» России (с. 51) и позже со всей остротой ощущала растущий немецкий национализм. Но все же она начинала открывать и положительные качества саксонцев (которых она не отделяла от остальных немцев): их порядочность, вежливость, дружелюбие. Зато Достоевский не упускал случая поиздеваться над немцами, иногда в обиду жене даже публично: «Федя находит какое-то удовольствие, как он сам говорит, ругать немцев в глаза» (с. 83) — в кондитерской, в пекарне, в ресторане. Конечно, это не было проявлением ненависти по отношению к немцам вообще (совсем другой вопрос — оценка писателем шовинистических и националистических настроений немецкого населения во время франко-прусской войны 1870—1871 годов). В подобном рода высказываниях обнаруживало себя нервное расстройство, вызванное болезнью, материальной необеспеченностью и постоянной заботой о семье. Достоевский это прекрасно понимал («...характер мой больной» (28, 205), — писал он еще в 1867 году), но не мог совладать с самим собой. К сожалению, итоговой работы об отношении Достоевского к Германии и к немцам пока не существует.

Многое еще предстоит выяснить и о жизни Достоевских в Дрездене. Кроме уже названных проблем, требуют дальнейшего изучения следующие вопросы.

1. С кем из немцев, а также из русских встречался Достоевский в Дрездене на протяжении всех этих лет? Еще в апреле 1869 года, то есть до вторичного переселения с семейством из Флоренции, он писал: «Во Франции дорого, а в Германии

хорошо, и именно в Дрездене, где уже мы проживали и даже *знакомство* (курсив мой. — Э. Х.) имеем» (29, 34). Пока мы знаем только немногие фамилии. С кем, например, встречались Достоевские у отца Розанова? Кто были те горячие поклонницы писателя, которые подарили его дочери игрушки?⁶⁷

2. Необходимо найти специальные списки дрезденской полиции, в которые заносились все русские, приезжающие в город и проживающие в нем. Следует внимательно и фронтально просмотреть все местные газеты той поры с целью выявления материалов о России и русских. Жизнь «русской колонии» в Дрездене еще требует обстоятельного исследования.

3. Находился ли Достоевский под наблюдением немецкой полиции? Дело в том, что русское посольство при саксонском дворе нередко просило саксонское министерство внутренних дел (через министерство иностранных дел) о помощи в наблюдении над русскими подданными, проживающими в столице королевства.

Круг нерешенных вопросов еще велик. Предлагаемая статья представляет собой всего лишь попытку выяснить и изложить некоторые ранее неизвестные факты, касающиеся жизни Достоевских в Дрездене.

⁶⁷ Там же. С. 214.

С. Н. ДАУГОВИШ

БЕЛИНСКИЙ / ПРАЛИНСКИЙ

(К проблеме литературных реминисценций в рассказе Достоевского «Скверный анекдот»)

Главный герой рассказа, рассуждая о воображаемых свидетелях своего «маленького», но многообещающего «поступка», обнаруживает способность к припоминанию литературных подробностей, обязательных, как ему представляется, в «священнейшем анекдоте» о гуманном уподоблении высших и низших чинов: «Ну уж, конечно, они меня посадят с самым важным гостем, какой-нибудь там титулярный али родственник, отставной штабс-капитан с красным носом (...) Славно этих оригиналов Гоголь описывал» (5, 13—14). Здесь дан весьма внятный намек на письмо В. Г. Белинского к И. И. Панаеву, включенное последним в текст «Воспоминаний о Белинском».¹ Аллюзия затрагивает одну из нескольких тем письма: «Нет ли слухов о Гоголе? Как я смеялся, прочтя в прибавлениях, что Гоголь, *скрепя сердце* рисует своих оригиналов. Во время оно я и сам тоже врал».² Это же письмо

¹ Панаев И. Воспоминания о Белинском // Современник. 1860. № 1. С. 339.

² Ср.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В [13-ти] т. М., 1958. Т. 11. С. 262.